

История и культура ульчей в XVII-XX вв. (историко-этнографические очерки). СПб., 1994. 176 с.

Рецензируемая книга написана коллективом научных сотрудников Академического Института Дальнего Востока (восемь авторов) и может быть названа коллективной монографией. Она посвящена ульчам — одному из малочисленных народов Севера, рыбакам и охотникам, живущим в Хабаровском крае, на Нижнем Амуре. Задачи ее определены ответственным редактором Л. Я. Иващенко во «Введении»: «До сего времени нет монографического исследования, которое бы охватывало проблемы их (ульчей — А. С.) этногенеза и этнической истории, материальной и духовной культуры, общественных отношений и сознания, различных этнических процессов на всех этапах развития этой народности. Крупных работ, где бы описывалось хозяйство, культура и быт не издавалось с середины 1960-х гг. ¹. Предлагаемая книга призвана в определенной мере восполнить этот пробел... Раскрыть самобытную материальную и духовную культуру, выявить сложный спектр связей ульчей со своими соседями — одна из задач» (с. 3, 6).

Действительно, дальневосточные авторы, — специалисты в разных областях культуры народов Дальнего Востока, — отразили разнообразные аспекты культуры ульчей весьма детально. Кратко перечислим тематику глав и параграфов: верованиям, языку в фольклору посвятил свои разделы Н. Б. Киле, народному декоративному искусству — Н. В. Кочешков, музыке — Н. А. Соколюкова, танцам — С. Ф. Карабанова, художественной литературе — Л. Я. Иващенко, народным знаниям — В. В. Подмаскин. Разные разделы принадлежат А. Ф. Старцеву: хозяйству в годы советской власти, народное образование, медицинское обслуживание, национально-территориальное устройство и др. Об истории изучения ульчей написала главу ученый секретарь редколлегия Е. В. Шаньшина. Автор «Введения» и «Заключения» — ответственный редактор Л. Я. Иващенко. В рассматриваемой коллективной монографии значительная часть текста принадлежит перу москвички А. В. Смоляк, на монографии которой (1966 г. издания) ссылается главный редактор во «Введении». Дальневосточные коллеги позаимствовали из этой монографии ряд разделов, в которых описывается преимущественно традиционная культура ульчей.

Подавляющее большинство текстов цитируется из этой книги дословно, с использованием всех сносок, в которых обычно приводятся этнографические детали. В ряде же случаев допущены опечатки при перепечатывании, что особенно досадно, когда это касается местной терминологии: родовых этнонимов, топонимов и т. п. Имеют место досадные и неоправданные купюры, а то и ошибочные «исправления».

Необходимо отметить, что вся эта «работа» была проделана редколлективом из Владивостока без всяких согласований с автором, которая не была поставлена в известность о готовящейся коллективной монографии.

Поистине достойна удивления вторая глава книги. Она называется «Этнические процессы и этнический состав» (с. 11—25, 164—168) и заимствована из монографии А. В. Смоляк «Этнические процессы» ². Из нее перепечатаны разделы, касающиеся ульчей — «Расселение, численность, названия и самоназвания» (с. 27—37), а также «Родовой состав» (с. 89—105).

Все эти разделы монографии А. В. Смоляк 1975 г. перепечатаны с многочисленными сносками с указанием страниц той же книги, нет только одного: названия самой монографии, нет его во всей рецензируемой книге и, естественно, ни один читатель не сможет, даже при большом желании узнать, из какого же первоисточника взяты эти 17 страниц текста в книге 1994 г. Какая-то фантазмгория, своего рода «научный ребус» в данной новой монографии! В это трудно поверить, особенно, если учесть существование строгих правил в книгах издательства «Наука».

Всего в коллективной монографии 1994 г. об ульчах главы II, III, V целиком и более половины главы VII (четыре параграфа из семи) перепечатаны из опубликованных работ А. В. Смоляк; с учетом вынесенных в конец и напечатанных петитом примечаний в общей сложности они составляют более 70 страниц текста, т. е. более 1/3 общего объема всей этой новой книги. Преимущественно все эти данные касаются исторической этнографии (но не только этой тематики).

Из текстов, написанных владивостокскими авторами, остановимся в первую очередь на проблемах хозяйства и других, связанных с ним. Отметим фактическую ошибку, которую заметит любой житель Ульчского района: в этом районе кету ловят в сентябре, а не в октябре (с. 26): в октябре она уходит вверх по Амуру и ее ловят нанайцы, жители «верховских» районов.

Преуменьшена роль пушной охоты как в экономике, так и во всей истории ульчей: «Охотничий промысел, — сообщают авторы, — долгое время носил в основном потребительский характер, удовлетворяя собственные нужды охотника и его семьи... пушнина стала выходить на рынок лишь с проникновением на Амур торгового капитала» (с. 47). Вопрос об истинном значении охоты, особенно пушной, чрезвычайно важен не только для экономики, но и для истории ульчей, в первую очередь периода до нач. XX в., ибо пушнина систематически выходила за пределы хозяйств уже на ранних этапах их истории.

Не только автор приведенного выше абзаца, но и авторы других глав считают, что «...в XVII—XIX вв. ульчи почти не были затронуты внешним влиянием» (с. 9). В «Заключении» утверждается: «Традиционный уклад таежных охотников и рыбаков стал меняться с приходом в Приамурье русского населения. Среди аборигенов стали распространяться железные изделия, что облегчило сооружение жилищ, изготовление транспортных средств» и т. п. (с. 159).

Похоже, что авторы монографии 1994 г. не читали даже тех данных из книги А. В. Смоляк 1966 г., которые они же цитируют (с. 117, 118 и др.). В этой работе говорится о сложившихся традициях торговли

пушнойной у улчей в прошлом, что только на этой базе сформировался слой улчских торговцев, наживавших на этом большие капиталы, что имущественное неравенство у этого народа было и в XVII в. и в XIX в. резко выражено³.

Существует большая литература об этом, в частности, о ежегодных поездках коренных жителей Нижнего Амура с пушнойной на р. Сунгаря еще в XVI, XVII, XIX вв.: У-чень, Мамя Ринзоо, Л. И. Шренк (т. II), Аткинсон, Г. И. Невельский, позднее А. М. Золотарев, — все писали о торговых связях улчей как в «чужих», дальних землях, так и на своей, улчской территории, где в XIX в. собирались ежегодные ярмарки, на которые приезжали аборигены с пушнойной со всех концов амурского ареала, торговцы из Якутии, а также с территории современной Маньчжурии. Улчские торговцы ездили с торговыми целями и на южный Сахалин в с. Сирануси (об этом писали Д. Позднеев, Л. Шренк и др.). Подобные контакты давали возможность еще предкам улчей издавна получать и ткани, и металлические инструменты, о чем свидетельствуют и исследования русских археологов.

В пушной охоте огромную роль играла добыча соболя. Прибывшие в сер. XIX в. на Амур русские активно включились в этот промысел, в результате уже к началу XX в. запасы соболя уменьшались настолько, что русская администрация в 1903 г. впервые объявила запрет на добычу этого зверька на 10 лет; по этой причине улчи активно искали возможности новых заработков, и в их хозяйстве в нач. XX в. произошли большие изменения. Это отражено в монографии 1966 г.⁴, но опущено в рецензируемой книге. В советский период истории улчей запреты на добычу соболя объявлялись неоднократно. Так постепенно снижалось значение охоты в хозяйстве улчей.

А. Ф. Старцев, автор главы «Хозяйство улчей за годы советской власти» (с. 36—49) привел много цифр из архивов, на конкретных примерах показывающих нестабильность колхозного строительства: в течение десятилетий осуществлялись «перетасовки»: — объединялись, потом разделились рыболовецкие колхозы, имели место массовые переселения жителей с одного места на другое и т. п. О причинах этого процесса, однако, ничего не сказано. Приводятся также отдельные цифры добычи рыбы то в одном колхозе, то в другом, но картины неуклонного падения добычи рыбы в целом по району не складывается, хотя это, по нашим данным, имело место из года в год. Видимо, руководящие организации многими «перетасовками» пытались исправить положение вещей, но желаемого результата не достигали. Автор главы сообщает только, что в 1936 г. улчских колхозов насчитывалось 12, а в начале 1990-х гг. улчи работали в 4-х колхозах (с. 44). Еще хуже выглядят результаты охотничьего хозяйства: в 1934—1936 гг. охотой занимались 110 улчских охотников, а «ныне в районном коопзверопромхозе нет ни одного улча» (с. 49). О причинах столь бедственного положения традиционных отраслей улчского хозяйства автор не говорит ни слова.

Лишь в «Заключении» (с. 160) кратко формулируется «вывод» о неблагоприятном состоянии экономики улчей в итоге многочисленных «перестроек» рыболовецких колхозов. Но и здесь четко не сказано о происходивших на протяжении десятилетия процессах. На наш взгляд, многолетнее систематическое падение уловов рыбы в колхозах объясняется как ухудшением экологии на Нижнем Амуре в связи с развитием здесь промышленности, так и ежегодным «переловом» рыбы всеми жителями края — лицами всех национальностей в таких размерах, что естественное воспроизводство рыбы «не успевает» за огромным ее выловом. В то же время в этом обширном регионе практически отсутствует рыбозаведение в необходимых масштабах.

Неуклонное падение добычи рыбы и соответственно заработков рыбаков, развитие в районе расселения улчей разных отраслей промышленности, возможность для улчей получать за труд твердую зарплату в новых предприятиях привели к снижению престижа традиционных отраслей местного хозяйства — рыболовства и охоты. За последние 20—30 лет улчская молодежь перестала на них ориентироваться и уходит в промышленность, в другие сферы. В рыболовецких колхозах остаются работать преимущественно лица преклонного возраста, женщины предпочитают работу в сельских учреждениях различного характера. Отметим также, что согласно переписи 1989 г. около 30% улчей жили в городах. Все эти процессы в книге 1994 г. не показаны.

Параграфы главы «Духовная культура» (с. 64—112) написаны владивостокскими авторами; к сожалению, они очень кратки (почти в каждом 3—5 страниц), но и эти данные очень важны, прежде о танцах, музыке и др. писала крайне мало.

Параграф «Мировоззрение и верования» (с. 64—68) написан Н. Б. Киле и посвящен в основном шаманизму, на нем делается «ванайский акцент»; не уделено места воззрениям улчей, связанным с водной стихией, отсутствуют упоминания о культе близнецов, медвежьем празднике. К сожалению, в раздел о языке (этого же автора) вкралась ошибка (с. 76): по переписи 1989 г. русским языком свободно владели не 24%, а 66,5% улчей.

Большой раздел главы «Духовная культура», а именно «Народное декоративное искусство» принадлежит перу Н. В. Кочешкова (с. 82—105). Автор с большой полнотой и тщательностью охарактеризовал многообразное искусство улчей, особенности техник в разных его сферах. Можно согласиться с автором в том, что многие детали улчского орнамента, способы его изготовления имеют сходство с орнаментикой монгольских народов. Одна проблема не может не вызвать у нас возражения — утверждение автора о происхождении плетеных улчских поясов в результате общения народа с русскими (с. 100). «Русская техника» действительно, проста и может вызвать подобные ассоциации. Однако здесь следует иметь в виду характер реальных контактов улчей с русскими: в XIX — начале XX вв. оба народа не жили в общих селениях, как сейчас. Взаимное общение было характерно лишь для мужской части тех и других; улчские женщины мало соприкасались с русскими и почти никто не знал даже азов русского языка. Техника изготовления поясов, хотя и не была сложна, ею не владели нанайцы, слабо — нявхи. Улчи, как уже говорилось выше, часто бывали на Сахалине, а некоторые даже жили там, где общались с ороками и айнами. Напомним о налчицах в составе улчей рода Куйсли — айнского происхождения; бывавшие на Сахалине иногда привозили оттуда айских жен, их помнили в 1960—70-х

годах некоторые пожилые ульчские женщины. Эти айнки с своеобразной внешностью в начале XX в. жили в селениях Кольчом, Дуди и других. По словам этих же ульчанок, именно айнки и научили их искусству изготовления поясов. В моей работе 1984 г. приведены фотографии и даны краткие пояснения этой техники⁵.

На стр. 100 говорится о заимствовании ульчами техники плетения корзин от русских. В их быту, действительно, употреблялось много утвари, плетеной из лозы и подобных материалов. Рыбакам издавна была необходима подобная утварь (например, корзины для перенесения рыбы из лодки в дом), и они изготовляли ее задолго до появления здесь русских.

Нельзя согласиться с подписями к рисункам на стр. 86, 95, 96: «из собрания А. В. Смоляк», как это говорится относительно «собрания С. В. Иванова», подразумевается — «коллекций». В данном случае «коллекция» не существует, все это — опубликованные полевые материалы А. В. Смоляк (публикации 1949 и 1966 гг. — рисунки и фотографии). Под рисунком № 16 — ошибка в подписях: нужно: 4 — ваксацу ута, 5—7 — олдима ута. Ошибки и на с. 94: не «понде—харпума», но: «пондо»; «харпума».

Глава VII рецензируемой книги — «Общественные и семейные отношения, социальные и культурные процессы» (с. 113—152) состоит из семи параграфов, из них четыре: «Общественные отношения» (с. 113—118), «Семейные отношения, традиционные и современные» (с. 118—127), «Брак и свадебные обряды» (с. 127—132), «Рождение и воспитание детей» (с. 133—136) являются почти дословной перепечаткой из упомянувшейся монографии А. В. Смоляк 1966 г. Но при этом нужно учесть, что данные по семейным отношениям, браку и свадебной обрядности, о рождении и воспитании детей взяты из двух частей этой книги: из первой части — «Ульчи до Октябрьской революции» и из второй — «Ульчи в годы советской власти». Остальные параграфы этой главы «Медицинское обслуживание», «Школьное обучение», «Культурно-просветительная работа» (с. 136—152) принадлежат перу А. Ф. Старцева.

Остановимся на разделах об общественных и семейных отношениях. Известно, что в 1920—30-х и более поздних годах (1960—1970) вопросы социальных отношений у народов Севера решались в русской этнографической литературе довольно однозначно: «первичными» считались родовые отношения, сходные с описанными у разных народов Л. Морганом и другими учеными⁶. А. В. Смоляк и после опубликования в 1966 г. книги «Ульчи» в течение многих лет продолжала исследования социального строя ульчей (и других народов Нижнего Амура), привлекала для этого многочисленные архивные, полевые и прочие материалы. Учитывались многочисленные факторы, оказывающие влияние на социальный строй: воздействие физико-географических, климатических и прочих условий. Ульчи и их соседи (нанайцы, нивхи и др.) были в прошлом единственными жителями на огромной территории, размером в большую половину Хабаровского и Приморского краев, общая численность расселенных здесь коренных жителей составляла 12300 человек. Эти и другие факторы сказывались и на социальных институтах. Исконой социальной единицей здесь была община (селение), обычно состоявшая из семей различной родовой, а зачастую и этнической принадлежности. Община не имела ни фиксированных территорий, ни каких бы то ни было «управленческих» органов, тем не менее выполняла много функций, регулирующих стабильную жизнь в каждом селении. В первую очередь это была взаимопомощь различного характера, без нее жить в суровых северных условиях было невозможно. Род исконно сосуществовал с общиной, регулируя брачные отношения и сферу религиозных обрядов. Как и у их соседей, род у ульчей не имел общего предка, так как состоял из частей различного происхождения, входивших в род в разные периоды. Все роды у коренных жителей Нижнего Амура — это новообразования, насчитывающие не более 6—8 поколений. Все члены каждого рода жили дисперсно. По большому числу основных признаков он отличался от классического рода, зафиксированного в работах Л. Морганова и Р. Энгельса.

В книге 1994 г. нельзя было излагать устаревшую гипотезу об общественном строе ульчей, тем более, что в ряде работ новая точка зрения на эту проблему нами неоднократно излагалась⁷. Подготовленную коллективную монографию 1994 г. нужно было предварительно согласовать с А. В. Смоляк.

Чрезвычайно устарели данные и о семейном быте ульчей, помещенные в 7-й главе (с. 118—137; ср. с книгой 1996 г. — с. 100—117, 227—241). Авторы из Владивостока, говоря о современной семье, приводят данные, относящиеся к 1950—60-м годам. Но за последние 30 лет в этой сфере произошли огромные изменения. Так, в книге 1994 г. на с. 124 приведена цитата из работы 1966 г. (с. 229): «В каждой семье насчитывалось по 2—3 рыбака, семейный бюджет складывался из их заработков». Эти данные устарели! Выше говорилось о переменах в рыболовецких колхозах, где теперь работают преимущественно пожилые люди, а молодежь — по большей части занята в промышленности, в сфере обслуживания, в различных социальных сферах и т. п. Современный бюджет семьи ульчей складывается из заработков ее членов — колхозников, служащих и рабочих.

В рецензируемой книге 1994 г. в качестве современных приводятся устаревшие данные начала 1960-х годов и об этнически смешанных браках: их относительно немного, в селах — 12,1% (с. 131). Эти сведения взяты из книги 1966 г. (с. 239). В действительности, в настоящее время этот процент приближается к 30.

Параграфы 7-й главы, написанные А. Ф. Старцевым, так же, как и в других главах, содержат множество архивных материалов (о медицине, народном образовании), хранящихся в ЦГАОР, в Хабаровске, Владивостоке и т. п., что весьма ценно. К сожалению, в раздел «Школьное обучение», как и во всю книгу 1994 г. не попали материалы из монографии 1966 г. (с. 24, 25) — о христианизации ульчей во 2-й половине XIX — нач. XX вв., о создании для них миссионерских школ. Они функционировали в селениях Пули, Удач, в Больше-Михайловском, в Маринском и др. При этом последняя особенно выделялась среди всех подобных школ Нижнего Амура (нанайских, нивхских): здесь дети не только

изучали русский язык, арифметику, но и некоторые ремесла. Все школы содержались за счет православной миссии, дети жили в интернатах. По словам пожилых ульчей, с которыми мы встречались в 1950—60-х годах, полученные ими знания счета, языка, письма в этих школах пригодились им в жизни. О школах тех лет все вспоминали с большой теплотой. Тесное общение с русскими с детских лет оказывало на ульчей большое влияние.

В заключение отметим, что не все задачи, поставленные во «Введении» (с. 6) выполнены; в вопросах взаимоотношений ульчей с русским населением — авторы указывают на заимствование ульчами достижений русской культуры (с. 159) и упускают из вида, что в XIX в. русские, селявшиеся рядом с ними, многое взяли из традиционной культуры местных рыбаков и охотников.

Нельзя не отметить также, что селения ульчей располагались преимущественно по берегам Амура, а не озер и проток (с. 3—4). Тут же имеет место путаница со старинными названиями селений ульчей и их местоположением.

Два замечания сделаем к разделу Е. В. Шаньшиной «История изучения ульчей»: знаменитый японский автор Мамия Ринзоо назван здесь человеком, сообщавшим «со слов других наблюдателей сведения об обитавших на Нижнем Амуре ульчах» (с. 8). Это не так: путешественник в 1809 г. сам наблюдал жизнь аборигенов на Амуре и оставил блестящее описание своего странствия с Сахалина в Дерен на Амуре, близ озера Кизи.

Возникает недоумение и по поводу сообщения В. К. Арсеньева об ульчах, живших в Де-Кастри. «Правильное объяснение Этнонима ульчи дал впервые В. К. Арсеньев, считавший, что этот этноним является названием одного ульчского рода орокского происхождения, что подтвердилось впоследствии исследованиями А. В. Смоляк» (с. 9). И тут тоже своеобразный «научный ребус» или фантазия: В. К. Арсеньев, встретивший жившую в Де-Кастри семью, кроме того, что это были ульчи — не сообщает ни слова о происхождении этих людей или их родовой принадлежности, не упоминает и об ороках; он констатирует лишь факт, что ему встретилась эта семья ульчей и более об этом не говорит ни слова. Ему была неважна национальность случайно встреченных людей. Непонятно, зачем было приписывать ему чуждые для него интересы?

В книге 1994 г. поразительно много опечаток. Особенно досадно, когда они касаются ульчских названий — предметов, родов, имен и фамилий и т. п., а также географических наименований.

Примечания

¹ Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М. 1966.

² Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Сер. XIX — нач. XX в. М. 1975.

³ Смоляк А. В. Ульчи. С. 60, 62 и др.

⁴ Там же. С. 16—25 и др.

⁵ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура у народов Нижнего Амура и Сахалина (этногенетический аспект). М. 1984. С. 148—149, 244.

⁶ Общественные отношения у народов Северной Сибири. М. 1979.

⁷ Смоляк А. В. Этнические процессы...; *её же*. Народы Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М. 1982; *её же*. Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина. М. 1990; *eadem*. Le regime Social chez les peuples de l'Amur en ferieur aux XIX-e debut du XX-t siecles (A propos de la communaute territoriale) // Ethnologie et anthropogeographie arctiques publies sous la direction de Jean Malaurie. P., 1986. P. 83—95. *eadem*. Problems of Ethnogenesis and Social History of the Aboriginals of the Amur Basin and Sakhalin // 80-th International Abashiri Symposium: Peoples and Cultures of the Boreal Forest., Abashiri, Hokkaido, 1994.

⁸ Смоляк А. В. Ульчи. С. 20, 24 и др.

Смоляк А. В.

© 1996 г., ЭО, N 3

Б. А. Калоев. Моздокские осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1995. 245 с.

Книга Б. А. Калоева «Моздокские осетины» — результат многолетнего труда ученого. Достаточно сказать, что путь Б. А. Калоева в науку начался именно с историко-этнографического исследования моздокских осетин: им была посвящена кандидатская диссертация молодого ученого, защищенная в 1951 году в Институте этнографии АН СССР, аспирантом которого он стал в 1946 г., демобилизовавшись из армии. Впоследствии, занимаясь различными проблемами этнографии народов Северного Кавказа, Б. А. Калоев продолжал скрупулезно собирать и изучать материалы по истории и этнографии моздокских осетин, представляющих в силу ряда факторов исторического характера довольно самобытную часть осетинского этноса.

Новая книга Б. А. Калоева¹ делится условно на две части — историческую и этнографическую, состоящие соответственно из двух и пяти глав. Говорим условно, так как в этнографической части содержится достаточное количество и «чисто исторического» материала по моздокским осетинам.